

И. И. СОКОЛОВ

Воспоминания о государе Николае Павловиче

В 1840 году, когда Его Величество покойный Государь Александр Николаевич¹, будучи Наследником, изволил осчастливить принятием командования лейб-гвардии Преображенский полк, я поступил на службу врачом в 1-й батальон этого полка, помещающийся в казармах на Большой Миллионной, непосредственно соединенных с Зимним дворцом. На мне лежала обязанность находиться на всех высочайших смотрах, которые производились в манежах — дворцовом и находящемся при собственном дворце великого князя Михаила Павловича, и поэтому я нередко имел счастье видеть Государя Николая Павловича и наблюдать за движениями его великой души. При жизни его я слышал о нем от лиц близко к нему стоявших и заслуживающих доверия, знавших подробно его домашнюю обстановку и характер: лейб-медиков, камердинеров, непосредственной его прислуги. Все обличало в нем великую, рыцарскую, отзывчивую на все честное и правдивое, энергичную, любящую душу.

В 1843 году, во время больших маневров при отступлении от Нарвы, Преображенский полк находился в арьергарде. День был очень жаркий, это происходило в июле месяце. Было много отсталых. Государь, встретив одного упавшего преображенца, приказал немедленно разыскать врача и больному пустить кровь. Второпях к больному (это было в лесу), я разорвал себе мундир и только что приступил к оживляющим средствам, как прискакал флигель-адъютант ротмистр князь Васильчиков² (в последствии товарищ военного министра) с вопросом, пустил ли я больному кровь. На отрицательный мой ответ князь возразил: «Государь

приказал сейчас же пустить кровь. Как доложить Государю?» — «Доложите, — говорю, — Государю, что я отвечаю за больного: больной приведен в сознание без кровопускания». Я дал ему оправиться, посадил в фургон — и вдогонку за полком. Догнав полк, я выпустил больного из фургона, облегчив его от всякой ноши, и он пошел за фургоном в мундире нараспашку. Заметив издали, что разбивают царский лагерь (знак окончания маневра на тот день) и Государь, спешившись, пропускает полки, я, чтобы не броситься в глаза Государю в разорванном мундире, сел в лазаретную карету, где и прижался в угол. Но эта предосторожность не удалась: лишь только приблизился лазаретный обоз к месту, где стоял Государь, как слышу, что он зовет доктора. Тут сейчас же подбежали к карете из свиты и зовут меня: «Пожалуйте к Государю!» Взволнованный неожиданным вызовом и еще более неисправным состоянием своего костюма, я подошел к Государю совсем растерявшись. Государь одобряющим тоном спрашивает: «Жив ли больной, которому я велел тебе два раза пустить кровь?» «Жив и здоров Ваше Величество!» — «Но ты, конечно, пускал ему кровь?» — «Никак нет, Ваше Величество!» Государь нахмурился. «Как же мог послушаться меня?» — «Ваше Величество! В момент приезда князя Васильчикова я уже был вполне убежден, что дело обойдется без кровопускания; кровопусканием же я сделал бы солдата действительно больным, требующим госпитального лечения. Исполнив свое медицинское дело по совести и убеждению, я этим самым исполнил волю и желание Вашего Величества, непрестанно заботящегося о сохранении здоровья солдат». Таков был смысл моего ответа. Государь с милостивою, одобряющею улыбкой, потрепав меня по плечу, сказал: «Спасибо, голубчик, что меня не послушал». Эпизод этот на другой день в присутствии всех моих товарищей вызвал благодарность корпусного штаб-доктора, а 6-го числа Декабря месяца Государь изволил меня произвести в чин коллежского асессора, который имел в то время по своим правам большое значение и до которого мне оставалось прослужить пять лет.

Во время больших маневров покойный Государь Николай Павлович всегда имел ночлег в первом батальоне Преображенского полка; поэтому мне приходилось утром и вечером рапортовать Государю о состоянии здоровья полка. Раз утром, отпуская меня после рапорта, Государь приказал мне взять под свой надзор его и Наследника экипажи. Полки двинулись, а в хвосте их

Преображенский полк. Около полудня лакей при царском экипаже спрашивает меня: «Не прикажете ли подать завтрак?» Я сначала не понял, в чем дело: мне показалось, что лакей думает предложить мне разделить его завтрак; я поблагодарил его вежливо и отказался. Через несколько времени опять то же предложение; на этот раз я уже не без сердца спросил: «Да какой вы мне предлагаете завтрак?» — «Государь приказал для вас готовить и возить завтрак и, если вам угодно, ехать в его экипаже». Такое милостивое царское внимание тронуло меня до слез. Я сел в царскую коляску, позавтракал приготовленным изысканно завтраком с тонкими винами и тут имел случай рассмотреть знаменитую старую шинель, любимую Государеву шинель, заменявшую ему халат и одеяло, которую тот, кто был после его смерти в его кабинете, видел на скромной царской постели.

При выступлении гвардии в поход в 1854 году я был уже старшим врачом в гвардейском саперном батальоне. Государь провожал войска в Гатчине. Провожая гвардейский саперный батальон, свое любимое детище, Государь напутствовал его своими тронувшими до слез отеческими наставлениями и пожеланиями. При приближении моем с лазаретом, Государь подозвал меня и сказал, между прочим, мне лично: «Благодарю тебя за службу; дай Бог возвратиться благополучно!» — и перекрестил меня. Меня задушили слезы.

Дома я оставлял четверых детей-сирот. На станции в Гатчине я встретил лейб-медика Ф. Я. Кареля³, который напомнил мне это напутствие Государя. Я сказал ему на это: «Такое милостивое внимание совершенно восстанавливает упавший мой дух; ибо я совершенно уверен, что в случае несчастья со мной Государь не оставит моих сирот». Государь знал их, когда они были кадетами, и при встрече с ними называл соколятами. Встретясь с Карелем вторично, я узнал, что слова мои были переданы им Государю и произвели, видимо, приятное впечатление, причем Государь заметил: «Я вижу, что врачи честные и верные мои слуги».

Кроме этих трех случаев, прибавлю еще один, которому я был очевидец.

Ко мне приехал в Петербург в первый раз во время Рождественских праздников из Можайского уезда мужичок, бывший мой крепостной, из зажиточных, лет 60-ти, трезвый, сроду не пивший вина. Не выдав никогда Царя, он стал просить меня во что бы то ни стало найти ему случай хотя бы раз взглянуть на него.

Покойный Государь имел обыкновение ежедневно утром в 9-м часу делать прогулку от дворца по Миллионной между Манежем и Эрмитажем, чрез мост над Зимней канавкой, по набережной, мимо казарм Преображенского полка к Неве и по набережной ее ко дворцу. Поставив мужичка на мосту над Зимней канавкой, я приказал ему при приближении Государя снять шапку, но отнюдь не становиться на колени, чего Государь не любил; а сам я стал у ворот казарм для наблюдения. Когда Государь показался, я крикнул мужичку: «Вот Царь идет!» Мужичок снял шапку, но по приближении Государя упал на колени, что меня очень встревожило. Государь подошел к нему и спросил: «Что тебе нужно?» Мужик стал креститься и дрожащим, взволнованным голосом отвечал: «Батюшка Царь! Мне ничего не нужно. Я тебя никогда не видал, а теперь вот Бог сподобил увидеть тебя, нашего Бога земного; теперь могу умереть спокойно!» и поклонился в землю. Государь поднял его, расспросил откуда, к кому, зачем приехал и прибавил: «Спасибо, дружок; приходи смотреть крещенский парад».

В день Крещенья собрался спозаранку мой мужичок идти на парад. Я говорю ему, что в зипуне и в лаптях не пустят, полиция прогонит и, пожалуй, заберет в часть. «Нет, — говорит, — «пойду: Царь велел».

Возвратившись с парада, я не застал мужичка дома; жду его час, другой, нет как нет; начинаю тревожиться; наконец, в сумерках является сияющий, под хмельком, пошатываясь. Начинаю расспрашивать, где был. «У Царя обедал». — «Как так?» И вот его рассказ: «Подходя ко дворцу (с Большой Миллионной), полиция меня задержала, гонит назад; я говорю им: “Мне сам Царь велел смотреть парад”. Пошли справки, кончившиеся тем, что провели его к главным воротам дворца, а там, говорит, какой-то генерал, низенький, седенький, с петушьими перьями на шапке, поставил у ворот с приказанием не уходить, пока не велят. Таким образом ему удалось видеть выход и возвращение духовной процессии, Государя и царской фамилии. От блеска у мужичка, говорил он, в глазах помутилось. Потом какой-то тоже генерал, только помоложе, указал ему царскую кухню, где велел угостить хорошенько. «Ну и угостили ж! Чего, чего только не было на тарелочках! а так как я водки не пью, стали угощать медом, таким сладким, что и Боже мой! Напустился я на него, ну и шабаш! Охмелел».

По возвращении домой в деревню мужичок долго рассказывал про виденные им чудеса и о необыкновенной милости Царя, и далеко, далеко пошла эта молва в народе.

На маневрах покойный Государь командовал отрядом. Прошел слух, что по какому-то поводу Государь отозвался в оскорбительных выражениях о своем противнике, не упомню, о каком генерале. Случилось, что к концу июля оба отряда стянулись к Петергофу, а 1-го августа — день перемирия — освящение воды и знамен, к которому прибыли чины обоих отрядов и многочисленная публика из Петербурга и окрестностей. По окончании церковной церемонии Государь вышел к разводу от кадетских корпусов. По отдании чести, по положению, и скомандовании «оправиться», Государь вышел на середину перед разводом, скомандовал: «Смирно! на плечо, на краул!» — с поднятой саблей подошел к вышеупомянутому генералу, отсалютовал ему, снял каску, поклонился в пояс, извинился в прочувствованных выражениях, а генерал принял это с глубоким верноподданническим благоговением. Расцеловались. Это я лично видел и слышал.

Лейб-медик Арендт⁴, любимый покойным Государем и популярнейший из врачей, при котором я состоял ассистентом, в числе многих случаев великодушия Государя рассказывал следующий. Он был приглашен к одному трудно-больному, отставному полковнику, жившему в одной из дальних линий Васильевского острова, где он был поражен бедной обстановкой больного и его большой семьи, и так как это обстоятельство служило неодолимым препятствием к восстановлению здоровья больного, то Арендт полюбопытствовал узнать причины такого положения. Семья рассказала, что болезнь и бедственное положение произошли вследствие увольнения больного от службы без всяких прав. Лейб-медики обязаны были ежедневно являться к Государю к 7–8 часам утра, когда готовится чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор. В одно из таких посещений Арендт рассказал о положении больного и его семьи. Государь принял это близко к сердцу, приказал Арендту во что бы то ни стало вылечить больного на его счет, помочь деньгами и вскоре потом, рассмотрев причины увольнения в отставку и найдя его невинным, или просто помиловав, не помню, возвратил ему все права и назначил крупную пенсию, восстановившую благосостояние семьи и здоровье больного.

Носился рассказ в Петербурге, что на Николаевском мосту Государь встретил покойника, которого вез ломовой извозчик, и не было ни души провожатых. Государь сошел с экипажа, прошел за гробом по Васильевскому острову, а когда тем временем собралась толпа народу, перекрестился и уехал, предоставив толпе провожать покойного.

В моей заметке нет лести. Да и к чему она теперь? Государя давно нет, мне 73 года, я уже помышляю о гробе; слышанное же, виденное и испытанное мною сообщаю по долгу совести. Будущему историку покойного Государя много придется собрать фактов величия его, перед которыми ступают тени... Вечная ему память!

Врач, действительный статский советник Иван Соколов.

Москва, 2 Декабря 1885.

